

УДК 332.14

Регион: экономика и социология, 2019, № 1 (101), с. 3–22

Ю.С. Ершов

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ, РЕГИОНЫ-ДОНОРЫ И РЕГИОНЫ-РЕЦИПИЕНТЫ: МНОГООБРАЗИЕ ОЦЕНОК И ВЫВОДОВ

Полноценный анализ причин, масштабов и последствий межрегиональных различий в показателях производства и потребления не может осуществляться на базе ограниченного круга наиболее доступных статистических показателей. Самые распространенные из них: ВРП на душу населения, средняя заработная плата и душевые денежные доходы – недостаточны для получения объективных выводов, для выявления всех факторов, обуславливающих межрегиональную дифференциацию, и к тому же приводят к завышенным оценкам масштабов этой дифференциации. И для определения масштабов донорства и реципиентства также явно недостаточно сопоставлений данных об объемах поступлений в бюджетную систему и расходов региональных консолидированных бюджетов. В статье продемонстрировано, насколько различными могут быть показатели межрегиональной дифференциации при использовании тех или иных подходов к их определению.

Ключевые слова: валовой региональный продукт; динамика межрегиональных различий; разнообразие оценок; налоги; межбюджетные финансовые потоки; неустранимость причин дифференциации

Анализ проблем межрегиональной дифференциации показателей производства и потребления, попытки правильной оценки вклада каждого региона в общий результат и его доли в потреблении этого результата в экономической науке стали особенно актуальными и по-

пулярными на рубеже 1980-х и 1990-х годов, когда Госкомстат СССР, очевидно по поручению руководства страны, впервые рассчитал межреспубликанские товарные потоки и опубликовал эти данные как в отечественных ценах, так и в пересчете на мировые. Если использовать недипломатический язык, то фактически ставилась задача определить, «кто кого и в какой степени кормит» в результате сложившихся в конце 1980-х годов экономических отношений между союзными республиками и насколько большинству из них будет плохо после разделения СССР на самостоятельные государства и вынужденного перехода в теперь уже межгосударственной торговле от внутренних цен к ценам мирового рынка. Прогноз негативных последствий этого разделения сбылся, но последствия не имели никакой связи с конкретными показателями сальдо межреспубликанского обмена при измерении его в мировых ценах.

Более глубокие исследования в плане оценки последствий разрыва всех или части межреспубликанских связей проводились в ИЭОПП СО РАН в начале 1990-х годов. Их инициировали академик А.Г. Гранберг и член-корреспондент РАН В.И. Суслов с целью доказать, что важны не только значения сальдо обмена, но и отраслевые структуры республиканских экономик, степень их дополняемости. Расчеты проводились на базе межрегиональной межотраслевой модели, результаты имели приближенный характер вследствие агрегированного представления экономики, и причем не всей, а только сферы материального производства. Основным результатом в кратком изложении был прост: проиграют все, но в разной степени. Подобные исследования продолжаются и в настоящее время, но уже в части оценки итогов влияния на общие результаты межрегиональных взаимодействий [4].

Спектр направлений исследования проблем региональных экономик и пространственной структуры экономики в целом достаточно широк: от оценки особенностей влияния городских агломераций на экономику региона и даже до попыток оценить влияние на нее национального состава и структуры населения [1; 3]. В настоящей статье будет продолжено изложение результатов, которые в усеченном варианте были представлены в работе [2]. Основные выводы предыдущего этапа анализа состояли в следующем. Реальные измене-

ния в размещении производительных сил, произошедшие с начала рыночных реформ, намного меньше, чем определяемые по динамике номинальных показателей. И они во многом стали следствием изменения пространственной структуры номинальных показателей, выразившегося в отрыве мест регистрации экономических итогов от мест фактического размещения производства, а также в изменении относительных цен, частично оторвавшихся от отечественных затрат на производство, и в усилении роли региональных бюджетов в развитии региональных экономик. Далее мы продолжим эту тему с целью продемонстрировать, что стандартные оценки показателей, характеризующих межрегиональную дифференциацию, не могут восприниматься как однозначные и бесспорно отображающие масштабы этой дифференциации.

В международной практике сопоставлений душевых показателей производства и потребления используется оценка экономических результатов не по коммерческим курсам валют, а по исчисленным на основе паритета их покупательной способности (ППС) на национальных рынках. Необходимость такого критерия обусловлена не только разнообразием валют, страны зоны евро также различаются по величине показателей среднего уровня цен на товары и услуги. По аналогии с методологией международных сопоставлений логично применить этот же подход и к оценке межрегиональных различий в душевых показателях производства и потребления.

В качестве основы для исчисления региональных показателей в сопоставимых ценах можно использовать величины региональных стоимостей так называемого фиксированного набора товаров и услуг (ФНТУ), утвержденного приказом Росстата № 733 от 30.12.2014 г. Это достаточно представительный набор продукции, приближенный к объему и структуре расходов среднестатистического россиянина по представленным в нем позициям, в среднем за 2015 г. требующий 13012 руб. в месяц. Он не ограничивается набором лишь самых жизненно необходимых видов продукции, в его состав включены даже 10 литров водки и 64 пачки сигарет (в расчете на год) на каждого жителя России.

Максимальное различие региональных стоимостей этого набора двукратное, минимальный уровень цен зарегистрирован в Ингушетии (82,9% от среднего уровня по России), максимальный – в Камчатском крае (165,5%). В таблице 1 представлены относительные отклонения стоимостей ФНТУ по 10 регионам-лидерам и 10 регионам-аутсайдерам (регионы-лидеры приведены в порядке убывания показателя номинального ВРП на душу населения, регионы-аутсайдеры – в порядке его возрастания).

Во всех регионах-лидерах уровень потребительских цен на товары и услуги превышает средний по стране. Чаще всего это следствие повышенных издержек на производство и доставку, а в Москве

Таблица 1

Региональные показатели уровня цен фиксированного набора товаров и услуг в 2015 г., % к среднему показателю по России

Регионы-лидеры	Уровень цен	Регионы-аутсайдеры	Уровень цен
Сахалинская обл.	134,12	Республика Ингушетия	82,92
Тюменская обл.	112,18	Кабардино-Балкарская Республика	94,13
г. Москва	142,46	Республика Тыва	91,91
Чукотский АО	158,56	Республика Калмыкия	91,23
Республика Саха (Якутия)	123,06	Республика Дагестан	87,71
Магаданская обл.	143,42	Ивановская обл.	95,61
Республика Коми	110,18	Республика Алтай	111,17
г. Санкт-Петербург	107,94	Республика Северная Осетия – Алания	89,97
Красноярский край	101,54	Республика Адыгея	94,00
Архангельская обл.	111,18	Кировская обл.	93,29

Примечание: здесь и в табл. 2, 3, 5 Тюменская и Архангельская области – вместе с автономными округами.

Источник: Регионы России: Социально-экономические показатели / Росстат. – М., 2016.

и Санкт-Петербурге – следствие высокого уровня заработной платы и иных доходов. Во всех регионах-аутсайдерах средний уровень цен пониженный, за исключением Республики Алтай.

Результаты пересчета показателей ВРП в сопоставимые цены демонстрируют, что реальные различия в душевых показателях производства заметно меньше фиксируемых при использовании номинальных показателей. Так, превышение показателя Сахалинской области над показателем Республики Ингушетии, составлявшее 14,7 раза, уменьшилось до 9,1 раза. Не осталось неизменным и расположение регионов как в списке лидеров, так и в списке аутсайдеров (табл. 2 и 3).

Статическая оценка масштабов межрегиональной дифференциации душевых показателей производства лишь по двум крайним субъ-

Таблица 2

Номинальные показатели ВРП на душу населения в 2015 г., % к среднему показателю по России

Регионы-лидеры		Регионы-аутсайдеры	
Сахалинская обл.	382,9	Республика Ингушетия	26,1
Тюменская обл.	366,3	Кабардино-Балкарская Республика	32,8
Чукотский АО	285,9	Республика Тыва	33,8
г. Москва	248,6	Ивановская обл.	37,3
Магаданская обл.	190,7	Республика Калмыкия	38,1
Республика Саха (Якутия)	176,3	Республика Северная Осетия – Алания	40,8
Республика Коми	136,9	Республика Адыгея	41,3
г. Санкт-Петербург	130,8	Республика Дагестан	42,0
Красноярский край	127,3	Республика Алтай	43,9
Архангельская обл.	117,9	Кировская обл.	47,9

Источник: Регионы России: Социально-экономические показатели / Росстат. – М., 2017.

Таблица 3

Показатели ВРП на душу населения в 2015 г., исчисленные по паритету покупательной способности, % к среднему показателю по России

Регионы-лидеры		Регионы-аутсайдеры	
Сахалинская обл.	285,5	Республика Ингушетия	31,5
Тюменская обл.	326,5	Кабардино-Балкарская Республика	34,8
Чукотский АО	180,3	Республика Тыва	36,8
г. Москва	174,5	Ивановская обл.	39,0
Магаданская обл.	132,9	Республика Калмыкия	41,8
Республика Саха (Якутия)	143,3	Республика Северная Осетия – Алания	45,3
Республика Коми	124,3	Республика Адыгея	43,9
г. Санкт-Петербург	121,1	Республика Дагестан	47,9
Красноярский край	125,4	Республика Алтай	39,5
Архангельская обл.	106,1	Кировская обл.	51,3

ектам полного их списка не так содержательна, как сопоставление экономических результатов по группам и в динамике. В таблице 4 показаны особенности изменения соотношений между десятком регионов-лидеров и десятком аутсайдеров. Отчетливо выражена тенденция к сокращению различий в душевых показателях производства: если в 2008 г. номинальный душевой ВРП десятки лидеров превышал аналогичный показатель для аутсайдеров в 8,65 раза, то к 2015 г. это превышение снизилось до 6,65 раза. При расчетах по ППС это превышение уменьшилось до 4,38 раза по сравнению с 5,19 раза в 2008 г. Характерно, что процесс сокращения разрыва интенсифицируется в кризисные годы (2009 и 2015 гг.). При отрицательных индексах физического объема ВВП страны и при снижении цен на экспортируемые товары в первую очередь и более всего падают доходы крупных и экспортно ориентированных корпораций, которые в подавляющем большинстве своем зарегистрированы на территории регионов-лидеров.

Таблица 4
Сравнительные характеристики динамики производства в регионах-лидерах и регионах-аутсайдерах

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Суммарный номинальный ВРП десятик лидеров, млрд руб.	14837,1	13662,0	16132,2	19403,2	221014,8	22871,3	24785,7	26933,8
Доля десятик лидеров в суммарном номинальном ВРП страны, %	43,76	42,68	42,80	42,75	42,09	42,27	42,03	41,62
Суммарный номинальный ВРП десятик аутсайдеров, млрд руб.	563,3	624,8	698,0	832,1	954,5	1109,7	1231,3	1315,4
Доля десятик аутсайдеров в суммарном номинальном ВРП страны, %	1,66	1,95	1,85	1,83	1,91	2,05	2,09	2,03
Доля десятик лидеров в населении страны, %	18,21	18,29	18,38	18,52	18,78	18,90	19,04	19,12
Доля десятик аутсайдеров в населении страны, %	5,98	6,03	6,08	6,13	6,15	6,17	6,18	6,21
Душевой номинальный ВРП по группе лидеров, тыс. руб.	570,7	523,3	614,7	733,3	782,2	844,0	906,2	978,7
Душевой номинальный ВРП по группе аутсайдеров, тыс. руб.	66,0	72,6	80,4	95,1	108,5	125,6	138,7	147,1
Превышение номинального душевого ВРП группы лидеров над аналогичным показателем группы аутсайдеров, раз	8,65	7,21	7,64	7,71	7,21	6,72	6,53	6,65
Суммарный ВРП десятик лидеров, измеренный по ППС, млрд руб.	11455,5	10587,5	12504,1	15239,1	16290,8	17890,0	19608,1	21494,7
Доля десятик лидеров в суммарном ВРП, измеренном по ППС, %	33,78	33,08	33,18	33,57	32,63	33,07	33,25	33,22
Суммарный ВРП десятик аутсайдеров, измеренный по ППС, млрд руб.	725,7	806,0	893,8	1039,7	1182,0	1377,1	1503,4	1595,2
Доля десятик аутсайдеров в суммарном ВРП, измеренном по ППС, %	2,14	2,52	2,37	2,29	2,37	2,55	2,55	2,47
Душевой ВРП по ППС по группе лидеров, тыс. руб.	440,7	405,5	476,4	575,9	606,3	660,2	716,9	781,0
Душевой ВРП по ППС по группе аутсайдеров, тыс. руб.	85,0	93,6	103,0	118,8	134,3	155,8	169,3	178,4
Превышение душевого ВРП по ППС группы лидеров над аналогичным показателем группы аутсайдеров, раз	5,19	4,33	4,63	4,85	4,51	4,24	4,23	4,38

Одной из причин сокращения межрегиональной дифференциации являются различия в динамике важнейшей составляющей ВРП – заработной платы. Темпы ее увеличения в отраслях с относительно низким уровнем опережали динамику роста в целом по экономике. Так, к 2015 г. по сравнению с 2008 г. средняя номинальная заработная плата в России увеличилась на 97%, тогда как в сельском и лесном хозяйстве прирост составил 133%, в образовании – 138%, в здравоохранении – 116%, в отраслях по оказанию прочих услуг – 122%. В то же время в отраслях с высоким и повышенным стартовым уровнем заработной платы ее прирост был заметно меньше: у занятых финансовой деятельностью он составил 67%, в добыче топливно-энергетических полезных ископаемых – 83%, в энергетике – 93%, в строительстве – 61%, в связи – 76%.

Достаточно ли ограничиться пересчетом номинальных значений душевых показателей ВРП в показатели по ППС с учетом стоимости ФНТУ, чтобы утверждать, что найдены истинные значения межрегиональных различий?

Есть серьезные основания полагать, что межрегиональные различия уровней цен, исчисленные исходя из номинальной стоимости ФНТУ, занижают действительные межрегиональные различия в покупательной способности рубля на региональных рынках. В частности, из-за отсутствия в этом наборе жилья – предмета самой первой необходимости. В таблице 5 представлены показатели, отражающие межрегиональную дифференциацию цен на этот предмет, и во многих случаях эта дифференциация превышает исчисленную на основе региональных стоимостей ФНТУ. Так, например, по стоимости ФНТУ различие в ценах между Москвой и Ингушетией составляет 1,72 раза, а по стоимости квадратного метра жилья сопоставимого качества – 4,32 раза. Сопоставимыми с различиями в стоимости жилья являются обычно и различия в стоимости аренды жилья, в стоимости дачных и просто земельных участков. Такого рода товары приобретаются редко, но для «среднего человека» требуют расходов в размере его заработной платы за несколько лет.

В ФНТУ не включается также стоимость услуг образования и здравоохранения, и в рамках исследования масштабов межрегио-

Таблица 5

**Стоимость квадратного метра жилья в квартирах среднего качества
(типовых), % от среднего значения по РФ
(на вторичном рынке, начало 2015 г.)**

Регионы-лидеры		Регионы-аутсайдеры	
Сахалинская обл.	165,7	Республика Ингушетия	70,7
Тюменская обл.	108,4	Кабардино-Балкарская Республика	69,6
Чукотский АО	Н.д.	Республика Тыва	94,6
г. Москва	305,1	Ивановская обл.	78,5
Магаданская обл.	102,5	Республика Калмыкия	71,5
Республика Саха (Якутия)	150,2	Республика Северная Осетия – Алания	73,6
Республика Коми	106,3	Республика Адыгея	68,5
г. Санкт-Петербург	141,4	Республика Дагестан	79,8
Красноярский край	84,8	Республика Алтай	80,2
Архангельская обл.	112,3	Кировская обл.	84,2

нальной дифференциации показателей производства и потребления не имеет значения, из какого источника осуществляются эти затраты. И межрегиональные различия в стоимости этих важнейших услуг гораздо больше, чем по ФНТУ. Так, заработная плата работников образования (она в совокупности с начислениями на нее составляет львиную долю добавленной стоимости в этой отрасли) в Ингушетии в 3,2 раза ниже, чем в Москве, работников здравоохранения – в 2,8 раза. Можно и не доходить до сопоставлений столицы с аутсайдером по душевому ВРП: для всех областей Центрального федерального округа разрыв в цене услуг этих отраслей значительно превышает разрыв в стоимости ФНТУ.

Таким образом, реальные масштабы межрегиональной дифференциации показателей производства и потребления менее значительны,

чем даже исчисленные по тому ППС, который рассчитан на основе различий в стоимости ФНТУ, так как по многим важнейшим упомянутым выше позициям межрегиональные различия в ценах существенно превышают различия в стоимости ФНТУ.

Но если бы состав ФНТУ был существенно расширен за счет включения в него всех производимых и потребляемых товаров и услуг, то и в этом случае межрегиональные различия в уровнях производства и потребления остались бы завышенными. Фактических производства и потребления, а не той их части, которая регистрируется статистикой. А статистика регистрирует только итоги товарного производства, за редким исключением. В России в состав показателей выпуска и добавленной стоимости входит, например, и оценка итогов деятельности натурального сектора сельскохозяйственного производства. По самым низким, конечно, ценам и без торговой и транспортной наценок. Все остальные результаты домашней экономики, т.е. самообслуживания, в границы регистрируемого статистикой производства не включаются, а их масштабы в регионах с низкими показателями душевого ВРП, и особенно с высокой долей сельского населения, могут в разы превышать масштабы самообслуживания в регионах с высокими душевыми показателями.

Следует отметить, что при оценке межрегиональной дифференциации душевых ВРП необходимо учитывать, что в значительной мере это просто результат особенностей статистической регистрации экономических результатов. Принятие ВРП в качестве самого главного макропоказателя – не самый лучший вариант для оценки и межрегиональных, и межотраслевых различий. ВРП, как и добавленная стоимость, это не чистый результат, а сумма результата и части затрат – износа основного капитала, измеряемого величиной амортизации. Если вместо ВРП использовать «чистый региональный продукт», т.е. ВРП за вычетом износа основного капитала, то межрегиональная дифференциация станет еще меньше. И она уменьшится в пользу регионов-аутсайдеров, так как их экономика в среднем намного менее капиталоемкая и, следовательно, по показателю износа основного капитала на душу населения они окажутся в более выигрышном положении. Так, доля десятки регионов-аутсайдеров в суммарном номи-

нальном ВРП в 2015 г. составила 2,03%, а в величине износа основного капитала, если его оценивать по показателю «амортизация основных средств», – всего 0,35% (по показателю фондоотдачи часть аутсайдеров попадают в лидеры экономики)¹. Напротив, доля десятки регионов-лидеров в суммарной амортизации составляла 62% против 41,62% в суммарном ВРП. При переходе от показателя добавленной стоимости к показателю вновь созданной стоимости (чистого регионального продукта) пропорция 41,62 : 2,03 изменяется на 40,1 : 2,3, душевые показатели по группе аутсайдеров увеличиваются более чем на 10%, по группе лидеров снижаются более чем на 4%.

И наконец, даже чистый внутренний продукт не может рассматриваться как самый лучший и главный целевой показатель экономики. И для регионов, и для страны в целом более значим показатель располагаемого дохода, т.е. той части ВРП (ВВП), которая может быть направлена на потребление и накопление. Россия вследствие рыночных реформ стала страной, не имеющей возможности использовать на эти цели весь произведенный ВВП. В 2015 г. зарубежным инвесторам и кредиторам, а также иностранным трудовым мигрантам пришлось только по счету текущих операций отдать 2,18 трлн руб.: 1,86 трлн как отрицательное сальдо доходов от собственности и 0,31 трлн как сальдо заработной платы. Никакой статистики, позволяющей хотя бы примерно оценить региональные показатели располагаемого дохода, пусть даже в таком усеченном виде, т.е. за вычетом платежей за границу, нет. Чисто формально зарубежные займы брали крупные банки и корпорации, зарегистрированные в основном в Москве, они же более всего привлекали и иностранных инвесторов, продавая им часть своих акций. В Москве же работает и почти треть иностранных трудовых мигрантов. Но вычитать большую часть этого отрицательного сальдо из московского ВРП, чтобы оценить показатель располагаемого дохода, было бы неправильным, так как эти займы брались не для использования на территории Москвы и деньги от продажи части активов также распределялись по другим регионам. Но вполне логично предположить, что и прямые, и косвенные обязательства группы ре-

¹ См.: *Единая* межведомственная информационно-статистическая система. Показатели. Амортизация основных средств. – URL: <https://fedstat.ru> .

гионов-аутсайдеров перед иностранными инвесторами минимальны и не пропорциональны их участию ни в суммарном номинальном ВРП, ни тем более в суммарном ВРП, исчисленном по ППС. Поэтому переход к показателю располагаемого дохода на душу населения привел бы к еще большему сокращению межрегиональных различий. Но насколько – даже примерной оценки дать невозможно.

Если же при гипотетической попытке рассчитать показатели располагаемого дохода не ограничиваться лишь платежами за границу, а учесть и все «объективно обусловленные» платежи за пределы региона, то межрегиональные различия изменятся радикальным образом. За счет чьих средств осваивались, например, тюменские нефтегазовые месторождения, строились все объекты производственной и непроизводственной инфраструктуры региона? Инвестор был преимущественно внешний, т.е. вся страна, где на население Тюменской области приходилась лишь очень малая часть. Внешний инвестор обязан платить заработную плату и положенные по закону налоги. Все остальное принадлежит ему: и амортизация основных средств, и дивиденды, и вся оставшаяся после уплаты налогов прибыль. Так принято в международных отношениях, и почему бы не распространить это и на отношения межрегиональные? Конечно, в реальности внешний инвестор не забирает у региона все, что может забрать: инвестиции в разы превышают объем амортизационных отчислений, и в основном это инвестиции корпораций, а не из региональных бюджетов.

Переходить на применение показателя располагаемого дохода для оценки межрегиональных различий, даже если бы была возможность его рассчитать, конечно, не стоит. Сразу потеряются те особенности, которые есть у показателей валового или чистого продукта: они отражают народно-хозяйственную эффективность региональной экономики. Но создатели этой эффективности, если иметь в виду, например, нефтегазовые регионы, – далеко не только постоянное население региона, но также и сами недра, и те, кто нашел в них нефть и газ, и даже страны ОПЕК, заставившие мир покупать энергоносители по высоким ценам.

Завершая рассмотрение проблемы многообразия оценок масштабов межрегиональной дифференциации, необходимо отметить еще

несколько важных моментов. С какой целью считаются эти показатели и что они отражают? Если речь идет об оценке эффективности региональных экономик, то логично рассчитывать не душевые показатели, а показатели на одного занятого в экономике. Если бы показатели уровня экономического развития регионов оценивались не по душевым ВРП, а по ВРП в расчете на одного занятого в экономике, то межрегиональная дифференциация таких показателей была бы заметно меньше. В частности, на группу 10 регионов-аутсайдеров приходится 5,39% населения страны, но лишь 4,11% занятых в экономике. Напротив, душевые показатели регионов-лидеров можно считать завышенными, так как при расчете душевых ВРП учитывается лишь постоянное население субъекта Федерации, в то время как в создании его ВРП участвуют и трудовые мигранты, и большое число лиц, проживающих за границами субъекта, но ежедневно приезжающих сюда на работу. Эти факторы особенно сильно завышают показатель «уровень экономического развития» Москвы, где в составе среднегодовой численности занятых более 1 млн иностранных трудовых мигрантов и еще больше ежедневно приезжающих на работу из-за пределов административной границы города. В меньшей степени это касается Санкт-Петербурга, а также отдельных северных регионов. В частности, в экономике Чукотского АО среднегодовая численность занятых составляет 32 тыс. чел. против 50 тыс. численности постоянного населения, в то время как в целом по стране занятые в экономике (куда включаются и трудовые мигранты) составляют лишь 47% от численности постоянного населения (работающие вахтовым методом в среднегодовой численности занятых учитываются, но в состав постоянного населения могут не входить).

К составу знаменателя, используемого в формуле для расчета душевых показателей производства, есть и иные претензии. Если, например, для Камчатского края показатель номинального душевого ВРП составляет 122% по отношению к среднему по России, то для ВВП по ППС он равен всего 74% (уровень цен ФНТУ – 166%). Такой показатель кажется неправдоподобно малым, но, возможно, формально он посчитан правильно. Однако на Камчатке в общей численности постоянного населения относительно велика доля военнослужащих,

которые никакого ВРП не создают, а в состав знаменателя входят. Если бы военнослужащие получали не жалованье, а обычную заработную плату со всеми страховыми начислениями на нее и в размере, достаточном не только для питания в платной гарнизонной или корабельной столовой, но и для приобретения в магазинах военторга необходимой для несения службы одежды, обуви и т.д., и если бы еще на всю приписанную к региону военную технику начислялась амортизация, то показатель душевого ВРП был бы совершенно иным. Поэтому для таких регионов непосредственная интерпретация душевых показателей производства как отражающих эффективность экономики вряд ли допустима. Если бы в состав рассматриваемых регионов был включен и Севастополь, то он, а не Республика Ингушетия занял бы самое последнее место в экономическом рейтинге регионов. Но главная функция этого города – быть военно-морской базой, и включать такие субъекты в состав участвующих в определении масштабов межрегиональной дифференциации некорректно.

Осталось отметить еще один важный момент. Показатели ВРП не являются полноценными и объективными характеристиками эффективности региональных экономик. Они могут варьировать в достаточно широких пределах, и не только в результате смены мест регистрации итогов экономической деятельности, иногда не совпадающих с местами фактического производства. Этот аспект затронем при рассмотрении проблемы так называемых доноров и реципиентов.

По состоянию на 2015 г. 54 субъекта Федерации можно отнести к очевидным, безусловным реципиентам. Это субъекты, доходы бюджетов которых меньше всей суммы собираемых на их территориях налогов и сборов. Превышение суммы налогов и сборов над доходами (и расходами) региональных бюджетов имеет место лишь в регионах с весомой долей в их экономике добычи нефти и газа и в регионах, имеющих крупные нефтеперерабатывающие заводы. На Дальнем Востоке это только Сахалинская область, в Сибирском федеральном округе – Омская, Томская, Иркутская области и Красноярский край, в Центральном – Рязанская и Ярославская области, в Северо-Западном – Республика Коми, Архангельская (вместе с Ненецким АО) и Ле-

нинградская области и т.д. Исключений из этого правила лишь два: Московская и Свердловская области.

Превышение суммы налогов над бюджетными расходами – еще не свидетельство возможности полного обеспечения собственными финансовыми ресурсами. Значительная часть региональных потребностей (полиция, высшее образование, наука и др.) финансируется напрямую из федерального бюджета. Не хватает для замены прямых поступлений из федерального бюджета 3 млрд руб. Сахалину, 16 млрд руб. Свердловской области, 11 млрд руб. Волгоградской области.

Круг очевидных регионов-доноров очень ограничен. Прежде всего это Тюменская область (сумма зарегистрированных на ее территории налогов в 4,5 раза превышает сумму доходов консолидированных бюджетов входящих в ее состав субъектов), Томская область (превышение – 2,5 раза), Оренбургская область (2,3 раза), возможно, Удмуртская Республика (1,9 раза), Самарская область (1,9 раза), Пермский край (1,8 раза), Республика Коми (1,7 раза) и Омская область (1,6 раза). Почему «возможно»? Консолидированный бюджет РФ в 2015 г. – 26,9 трлн руб., а сумма региональных бюджетов – лишь 9,3 трлн (причем в эту сумму включаются и безвозмездные перечисления из федерального бюджета в размере 1,7 трлн руб.), распределенные по регионам налоги – 13,7 трлн руб., т.е. лишь немногим меньше половины².

В рассматриваемой ретроспективе имела место тенденция к увеличению численности безусловных реципиентов: в 2000 г. их было всего двадцать семь. Основная причина – снижение доли распределенных по регионам налогов и сборов. В 2000 г. отношение суммы таких налогов к доходам консолидированного бюджета РФ составляло 69%, а к 2012 г. оно снизилось до 47%. Федеральные доходы росли быстрее региональных и частью из них Центр делился с регионами: если в 2000 г. объем безвозмездных поступлений в региональные бюджеты составлял лишь 102 млрд руб., то в последние годы он стабилизировался на уровне 1,7 трлн руб.

² Данные о поступлениях налогов в бюджетную систему в разрезе регионов и отраслей есть на сайте ФНС palog.ru. Объемы не распределяемых по регионам поступлений в федеральный бюджет (доходы от внешнеэкономической деятельности, НДС на импорт и др.) отражаются в «Российском статистическом ежегоднике».

Справедлива ли сложившаяся система межбюджетных отношений? Надо ли искать истинных авторов той части налогов, которые не распределены по регионам и считаются общими? Скорее система справедлива, чем нет. Центр забирает деньги у богатых и отдает их бедным плюс реализует те программы, которые не смог бы финансировать ни один из регионов. Регионы, доходы бюджетов которых более всего зависят от федеральной помощи (2012 г.), – Республика Ингушетия (86%), Чеченская Республика (85%), Республика Тыва (79%), Карачаево-Черкесская Республика (73%), Республика Дагестан (72%), Республика Алтай (72%), Республика Саха (Якутия) (64%), Республика Северная Осетия – Алания (59%). Главные реципиенты – национальные республики. Наименее зависимые от федеральной поддержки регионы – Ханты-Мансийский АО (5%), г. Москва (6%), Свердловская область (9%), Сахалинская область (11%), Пермский край (12%), Ленинградская область (12%), г. Санкт-Петербург (12%), Ямало-Ненецкий АО (12%). Среди субъектов Сибирского федерального округа это Кемеровская область (13%), Иркутская область и Красноярский край (по 15%).

Что будет, если установить самую справедливую систему, при которой межрегиональные финансовые отношения будут аналогичны межгосударственным? Например, все налоги изначально регистрируются в регионах и затем все регионы отчисляют равную их долю в федеральный бюджет. Очевидно, что такая система не сможет быть реализована, потому что, во-первых, у большинства субъектов даже без «равных» отчислений не хватит средств и на самые насущные нужды. И во-вторых, потому, что у некоторых из субъектов масштабы попавших в их распоряжение средств будут настолько велики, что эффективное их использование на территории региона будет невозможно. Например, бюджет Ямало-Ненецкого АО – 137,6 млрд руб. на 560 тыс. чел. Возможностей эффективной диверсификации местной экономики практически нет. И если после такой налоговой реформы будет 500 млрд, то наиболее вероятный результат – роскошный Салехард, огромные заработки чиновников и т.д. и миграция сюда людей, ненужных конкурентоспособным отраслям экономики.

Исследование масштабов донорства и реципиентства – это непродуктивная тематика, поскольку никаких серьезных конструктивных результатов в направлении сокращения этих масштабов быть не может. Применительно к регионам приближения к принципам «хозрасчета», т.е. самоокупаемости, не может быть, поскольку регионы – не субъекты экономической деятельности. Такими субъектами являются лишь региональные администрации. Главная причина межрегиональных различий в душевых показателях останется всегда, и решить ее можно только административными, нерыночными методами, создавая за государственный счет предприятия с повышенными значениями показателей добавленной стоимости на одного занятого, даже если по критериям эффективности их размещение на территориях отстающих регионов нецелесообразно. В противном случае, если бы такое размещение было экономически выгодно, сюда бы обязательно пришел частный капитал.

Масштабы донорства и реципиентства, как и пространственная структура ВРП, сильно зависят от принятой системы учета результатов экономической деятельности. Можно отказаться от налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) и адекватную сумму взимать через акцизы на моторное топливо и повышенные экспортные пошлины на нефть. Нефтегазовые регионы сразу потеряют значительную часть своего ВРП (а это 3,2 трлн руб.), а пошлины и акцизы уйдут в не распределяемую по регионам часть ВВП. Межрегиональная дифференциация заметно сократится, равно как уменьшатся и масштабы донорства нефтегазовых регионов. Зато существенно возрастут масштабы донорства регионов, имеющих крупные нефтеперерабатывающие заводы. Можно, напротив, поднять внутреннюю цену на нефть через повышение НДПИ и отказаться от экспортных пошлин. Тогда суммарный ВРП вырастет на 3,3 трлн руб. и вся эта прибавка достанется нефтегазовым регионам, а соответственно, сильно возрастут и масштабы их донорства.

Заметно сократить масштабы межрегиональной дифференциации может и изменение географии акцизов. Даже в учебниках по экономике написано, что акцизы – это налог на покупателя. А регистрируются они сейчас по месту производства подакцизных товаров – это опять

же нефтеперерабатывающие заводы, заводы по производству алкогольных напитков и особенно табачных изделий. Моторное топливо потребляют все регионы, выпивают и курят повсеместно, а вся слава хороших налогоплательщиков достается только ограниченному кругу регионов, где размещены соответствующие крупные производства. Если же брать акцизы по месту реализации подакцизных товаров, НДС и акцизы формально переложить на потребителя, то 4,3 трлн руб. налоговых поступлений будут теперь регистрироваться по месту потребления товаров, а не по месту производства. Взимание налогов станет более затратным делом, количество налогоплательщиков возрастет в десятки тысяч раз, но это будет более справедливая система в части определения реальных масштабов донорства и реципиентства. Такой же подход можно применить и к налогу на добавленную стоимость на импортные товары. Это 1,8 трлн руб., никак не распределяемых по регионам, а оплачивают НДС потребители. А они есть во всех регионах, и распределение этого налога пропорционально объемам потребления и инвестиций тоже существенно уменьшит межбюджетные потоки. И наконец, можно не брать с работников подоходный налог с заработной платы, а обязать их выплачивать его по месту жительства (впрочем, процесс перечисления этих налогов можно и автоматизировать: работник просто поручает бухгалтерии перечислять этот налог по месту региона проживания). И вообще, можно придать этому налогу статус направляемого не в региональный бюджет, а в бюджет муниципального образования, в котором проживает работник. Москва, конечно, будет против, ведь ей придется потерять около 150 млрд руб. подоходного налога с тех, кто в городе только работает, но не живет.

Таким образом, пространственная структура ВРП, налоговых поступлений в бюджетную систему и межбюджетных трансфертов может быть очень изменчивой. Мы рассматриваем лишь те результаты, которые показывает сложившаяся система учета итогов экономической деятельности. А насколько верно она отражает истинный вклад каждого региона в совокупные результаты – этот вопрос остается открытым.

Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН в рамках приоритетного направления XI.171 (проект XI.171.1.2 «Исследование механизмов пространственной эволюции и моделирование развития пространственных систем»)

Список источников

1. Буфетова А.Н., Коломак Е.А., Михалёва М.М. Национальное разнообразие и экономическое развитие регионов России // Мир экономики и управления. – 2017. – Т. 17, № 3. – С. 143–157.
2. Ершов Ю.С. Экономическое соревнование регионов России // Регион: экономика и социология. – 2016. – № 1 (89). – С. 83–107.
3. Мельникова Л.В. Размеры городов, эффективность и экономический рост // ЭКО. – 2017. – № 7. – С. 5–19.
4. Сулов В.И., Ершов Ю.С., Ибрагимов Н.М. Макроэкономические взаимодействия в пространстве России // Экономические стратегии. – 2016. – № 5 (139). – С. 64–71.

Информация об авторе

Ершов Юрий Семенович (Россия, Новосибирск) – старший научный сотрудник. Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17, e-mail: eryus@mail.ru).

DOI: 10.15372/REG20190101

Region: Economics & Sociology, 2019, No. 1 (101), p. 3–22

Yu.S. Ershov

INTERREGIONAL DIFFERENTIATION, DONOR AND RECIPIENT REGIONS: A VARIETY OF ESTIMATES AND CONCLUSIONS

The article argues that a full-fledged analysis of the scale, causes and consequences of interregional differences in production and consumption indicators cannot be carried out with a limited number of the most immediate statistical factors. The most typical ones – GRP per capita, average wages and per capita income – are insufficient for obtaining objective conclusions and identifying all the factors that cause interregional differentiation, and they also

lead to overestimating the scale of such differentiation. Moreover, in order to determine the scale of donation and recipientism, it is also clearly insufficient to compare data on the amounts of budget revenues and regional consolidated budget expenditures. The article shows how different factors of interregional differentiation can be when defined with various approaches.

Keywords: gross regional product; interregional difference dynamics; a variety of estimates; taxes; intergovernmental financial flows; the irremovability of differentiation causes

The publication is prepared within the priority XI.171 (project No. XI.171.1.2 «Study of spatial evolution mechanisms and modeling of spatial systems development») according to the research plan of the IEIE SB RAS

References

1. *Bufetova, A.N., E.A. Kolomak & M.M. Mikhaylova.* (2017). Natsionalnoe raznoobrazie i ekonomicheskoe razvitiye regionov Rossii [National diversity and economic development in Russian regions]. *Mir ekonomiki i upravleniya* [World of Economics and Management], Vol. 17, No. 3, 143–157.
2. *Ershov, Yu.S.* (2016). Ekonomicheskoe sorevnovanie regionov Rossii [Economic competition between Russian regions]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 1 (89), 83–107.
3. *Melnikova, L.V.* (2017). Razmery gorodov, effektivnost i ekonomicheskii rost [City size, efficiency and economic growth]. *EKO*, 7, 5–19.
4. *Suslov, V.I., Yu.S. Ershov & N.M. Ibragimov.* (2016). Makroekonomicheskie vzaimodeystviya v prostranstve Rossii [Macroeconomic interactions in the space of Russia]. *Ekonomicheskie strategii* [Economic Strategies], 5 (139), 64–71.

Information about the author

Ershov, Yuriy Semenovich (Novosibirsk, Russia) – Senior Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: erylus@mail.ru).

Поступила в редколлегию 30.11.2018.

После доработки 30.11.2018.

Принята к публикации 03.12.2018.

© Ершов Ю.С., 2019